

10 556
К Р Ю Ж О Д И Л

— Оставь, товарищ милиционер! Сейчас мой охотничий сезон открылся, — разрешение на критику самим товарищем Сталиным подписано!

— У нас письменных распоряжений нет... Пойдем... Там разберут!

ЗАВКЛУБ И СОЛОВЕЙ

Рис. Ю. Ганфа

— Сказать не ложно, тебя без скуки слушать можно... А жаль, что не знаком ты с нашим докладчиком: еще бы боле наострился, когда бы у него немного поучился...

ЛЕТНЕЕ ЖИТИЕ

Из окон прокуренной конторы Тетюнинских складов, выходящих на плоский песчаный берег реки, группа возчиков наблюдает за купальщиком.

— Жисть людям!—говорит один, вытирая пот с лица промасленной полой фартука.—Вишь, развалился!

— В отпуску, знать, потому и развалился,— решает другой и обращается к дремлющему за столиком, со с'ехавшими на бок очками, конторщику.

— Нил Нилыч! А, Нил Нилыч! Что ж теперь будет? Отпусти хоть душу на покаянье! Оводья ведь!

Нил Нилыч шевелит губами, смахивая насевших на них мух, и отвечает скрипуче:

— Сказано—у Пяткина ведомость! Пообедает—тады...

— Кажись, уж боле часу обедает!—вздыхает возчик и снова обращается к окошку.

В окошке—сверкающая река, песчаный берег и распростертое на солнцепеке тело купальщика.

— И как человека не спалит? — удивляется кто-то.—С час гляжу на него, жарится! То нырнет, а то опять на солнце!

— В голом виде не спалит!—поучает старик.—В голом виде—воспарение! В конторе, скажи, скорее спарисься. Духота. Муха.

Некоторое время проходит в молчании, нарушаемом тиканьем дешевеньких часов, а затем раздаётся хриплый, сдерживающий себя голос:

— Нил Нилыч! А, Нил Нилыч! Доколе же Пяткин-то твой обедать будет? Лошади ж все избились!

Нил Нилыч встряхивается от дремоты.

— Ну, а я-то что же теперь?—спрашивает он. В это время у окон движение.

— Полез, братцы! Во, здоров, ребята! Что твой кит! Гляди-ко! Хо-хо! За девчонкой вда-рился!

Все бросаются к окнам.

— Где девчонка? А ну!

— Да вон же, вон—посередине! Во в платочке плывет, тетеря! А-ту, а-ту ее!

Вошедший в эту минуту заведующий видит только спины и подкованные подметки. Расталкивая возчиков, он протискивается к окну.

— Ну?—спрашивает он.—В чем дело?

Ему отвечают нестройным хором:

— Пяткина ждем, язви его! С утра обедает! Жара ведь! Оводья! Эх, и взглянул бы я теперь на этого, на Пяткина, брат!

Заведующий, однако, не понимает.

— Да в окне-то что?—спрашивает он. — В окно-то зачем полезли?

— Что в окне? в окне — ничего. В окно — со скуки! Вишь, малый часа два полоскается... Во-он вылезит!

Заведующий видит малого, высовывается в окно и кричит:

— Пяткин! Эй, Пяткин! Ты какого же это чорта? А?

В. Авилов,

СПЕШНЫЙ ПОРЯДОК

Служащий заводоуправления воронежского сахарного завода выглянул из-за конторы в окно на раскинувшееся неподалеку от завода село. Глянул и заинтересовался: одна из хат вурчалась в дыму.

Служащий не был эгоистом:

— Сонечка, посмотрите-ка! Пожар в селе!

Сонечка кинулась к окну, за ней и другие.

— Кажется, у Ипатова горит...

— Нет, что вы! Ипатов в другом конце, а это около кооператива...

— Скажет тоже! Где кооператив и где горит! Это не иначе у Супруненко горит. Самогон, небось, гнал и запалил спьяна...

— Пожалуй и у Супруненко. В той стороне. А здорово разгорается.

В контору влетел рабочий и, задыхаясь от быстрого бега, прокричал:

— Надо скорее... напу команду... послать... село горит!

На крик вышло заводское начальство:

— Прошу потише, — не мешайте работать. Где горит?! Кто горит?! Все это надо выяснить, во-первых, а во-вторых, все равно без разрешения товарища Рыжкова послать команду нельзя. Товарищ же Рыжков сейчас отсутствует...

— Да ведь сгорит село-то, пока директор приедет!

— Это уж не мое дело!

И начальство, пожав плечами, подошло к окну:

— М-да. Порядочный пожарчик! Впрочем, товарищ Рыжков обещал скоро быть. А пока... надо принять немедленные меры, чтобы к приезду товарища Рыжкова все необходимые сведения были палицо и отсутствие оных не задержало бы отправления пожарной команды. Софья Борисовна. Будьте добры,—я вам сейчас продиктую анкетку,—в трех экземплярах настучайте...

Сонечка недовольно отошла от окна и села за машинку.

— Готовы?! Пишите: «Когда загорелось?!». В скобках—«точно указать время возникновения пожара». Дальше,—«где загорелось?!». В скобках—«имя, отчество, фамилия домовладельца, его возраст, отношение к воинской повинности и социальное положение—бедняк, середняк или зажиточный»... Да поскорее пишите, Софья Борисовна,—ведь там пожар, а не шутка! Я понимаю, вам посмотреть хочется,—успеете еще! Настучали?! Хорошо. Теперь дальше: «бывали ли в данном домовладении пожары раньше и если нет, то почему»... Есть?!

В контору ввалилась целая толпа рабочих:

— Скорее посылайте команду,—пожарище-то какой! Разве там могут управиться?

— Не мешайте работать, товарищи! Я не менее вас забочусь о прекращении стихийного бедствия, но по приказанию директора, как вам известно, для высылки команды необходимо его личное разрешение,—в настоящий же момент товарища Рыжкова нет... Что вы написали, Софья Борисовна?! Теперь дальше...

С анкетой на обследование был отправлен служащий, который заметил пожар. К трем часам все сведения были собраны, контора работала с бешеной скоростью, а пожар—еще быстрее. В начале четвертого прибыл директор завода, товарищ Рыжков.

— Ничего себе пожарчик,—на ходу поделился он своими впечатлениями: я из-за него и задержался,—часа полтора стоял смотрел.

— Тут, товарищ Рыжков, рабочие возбуждали ходатайство о командировании нашей пожарной дружины... Я, конечно, без вашего разрешения не мог взять на себя ответственность, но все-таки, в виду исключительного случая, позволил себе принять ходатайство в устной форме и дать ему ход в смысле собрания необходимых справок. И, если вы находите желательным отправление команды,—благоволите...

Директору была подана анкета и еще какие-то бумажки.

— Ну, конечно, послать!—И товарищ Рыжков размашисто написал на верхнем левом углу анкеты:

«Выслать заводскую пожарную команду».

— Софья Борисовна, будьте любезны: «Начальнику заводской пожарной команды. Согласно резолюции директора завода. Есть? Кириллов! Немедленно зарегистрируйте и отправляйте скорее,—ведь пожар же!

— Уже кончается, кажется...

— А вы поторопитесь! Конечно, пожар вас ждать не будет...

...Пожарная команда обнаружила одни головешки...

Вл. Павлов.

„ПОТЕРПИ“

(„Амбуловолокиста“)

В амбулаторию им. Лессарта явился с зубной болью т. Рулев. Ему предложили прийти к врачу на прием... через 3 недели.

(Из газ.)

Терпеть зубную боль? Ну, это не оказия!
Но надо ли терпеть такое БЕЗОБРАЗИЕ?

Ар.

СЛУЧАЙ С МИТРОПОЛИТОМ

В одно ясное крымское утро в Деткомиссию КрымЦИК'а вошел московский митрополит Александр Введенский.

— Мир дому сему! — кротко сказал он, подходя к столу заведующего театрально-зрелищным отделом. — Движимый чувством милосердия, хотел бы оказать комиссии посильную помощь.

— Очень рад! — ответил заведующий. — Тем более, что у нас ощущается недостаток средств. Вы пришли очень кстати...

— Истинно сказано: „Никто ни весте ни дня, ни часа дондеже не придет“. Я прочту несколько лекций, и у вас будут деньги.

— Да, но теперь имеют успех лекции только по половому вопросу.

— „Могий вместити да вместити“. Могу и по половому. Поведаем народу о непорочном зачатии.

— Что ж! Непорочное зачатие — тема весенняя. Но не дорого ли возьмете?

— Боже праведный! Возари на служителя своего, столь обижаемого мирянами. Мы, монаси, яко птицы небесные: не сеем, не жнем, не собираем в житницы своя, ибо отец небесный питает нас.

— Ну, а все-таки? Без опиума...

— Мать пречестная, заступница! Это же мирская суета! Условия обычные, а пока аванс в 100 рублей, необходимые на покупку акрид и дивьяго меду.

— Заметано!

Заведующий выдал ордер.

„Хоть и митрополит, а порядочный человек“, — подумал зав. — „Приятно иметь дело с культурным человеком, не рвачом“...

★

На другое, уже менее ясное крымское утро заведующий театрально-зрелищным отделом стучался в номер гостиницы, в которой остановился отец Введенский.

Дело в том, что лекция митрополита не была разрешена, и заведующий торопился получить выданный задаток обратно.

— Кой чорт там стучит не во-время! — раздался за дверью недовольный голос митрополита.

— Это я, товарищ Введенский. — Лекция ваша не разрешена...

— Я это еще вчера знал!

— Ну так вот я пришел за задатком...

— За задатком? Ну, уж это маком!

— То-есть как маком? Вы обязаны вернуть сто рублей!

— Об вернуть не может быть и речи!

— Да что вы, отец Введенский! Побойтесь бога! Грех-то какой!

— Это вам, безбожникам, надо бояться, а мне наплевать с высокого дерева. А в общем, гражданин, не мешайте! Я еще в постели...

— Нет, позвольте! Как же это не мешайте? Свои, что ли, 100 рублей я за вас буду отдавать? За это вы на страшном суде ответите, — взвизгнул заведующий.

— Да дай ты ему, Шурка, по шее! — неожиданно вмешался из-за двери женский нетерпеливый голос.

— Сейчас дам...

— Жулик! — крикнул заведующий театрально-зрелищным отделом и не замедлил скатиться в порядке самостоятельности с лестницы вниз. Выбежав на улицу, он прислонился к забору и заплакал.

В это время проходил умный человек и пожалел.

— О чем, сердешный, плачешь?

— Как же не плакать? Митрополит Введенский отнял сто рублей. Страшным судом я его страдал — не отдает.

— Чудак! Зачем же страшным? Просто надо нарсудом.

— Да что вы? А ведь и в самом деле. Как же это я сразу не догадался?

— Это, знаете, не легко. В чердаке нужно кое-что иметь.

— Вы так думаете?

— Безусловно!

— Ну, спасибо!

И зав пошел в нарсуд.

Нарсудья 7-го Симферопольского участка, выслушав жалобу, присудил взыскать с Введенского сто рублей.

— Но вы, в общем, поступили по-детски, — сказал на прощанье судья.

— А как же! Я же работник Деткомиссии! — гордо ответил успокоенный зав и уверенно отправился на свой служебный пост...

Л. Наздачный.

СОВЕТ

Когда б в Мосторг купить ты брюки шел,
А спекулянтов «хвост» затер тебя при этом,
Не говори с тоской: — «Я вновь останусь гол!»...
А с умилением: — «Я мог бы быть одетым!»...

М. А.

НЕ ЛЖЕЦ

(Вольное изложение басни Крылова).

Из дальних странствий возвратясь, какой-то ответработник, а может быть, и хозяйственник, с приятелем своим гуляя по Москве, разговорился.

— Нет, — сказал он, — что я видел, того уж не увижу боле. Что здесь у вас — пыль, грязь и беспризорные. А вот в Берлине... (туда я ездил насчет пушнины) вспомнишь, так душе отрада. Какой белизны скатерти в тамошних ресторанах! Какие вежливые швейцары и официанты! Любую прихоть твою они знают наперед. А какие женщины!.. Да что там говорить! С ума сойти, все отдать не жалко...

Или в Италии (туда я ездил тоже по делам)... Какая чистота там в ресторанах. Ни пылинки! Какие блюда! Какие вина! Какие руки у итальянок! Да что тут говорить. Все отдать, с ума сойти не жалко...

Или взять Вену (туда я ездил насчет сельхозмашин). Три дня, три ночи не спал — все наблюдал как, разлагается буржуазия. Ну и красота, могу тебе сказать! С ума сойти — ничего не жалко... А парикмахеры в Вене! Как бреют! Как чешут!..

Да, там жизнь бьет ключом, а у вас здесь скука, грубость и грязь...

— Как сказать, — перебил его здесь приятель, — и у нас есть кое-что... Вот хоть сейчас мы пройдем мимо одного дома; с такими вот, как ты, там обращаются удивительно вежливо. Про все расспросят, поговорят... Обращение у них такое тонкое, такое деликатное... Попросят есть, дадут и закурить. И, чтобы тебя не затруднять вопросами, предложат просто записать на бумаге. А какие у них перья! Какие чернила! А какая белизна там бумаги!..

— Возможно, но все-таки, ты знаешь, я так устал, я так устал, — тут прервал приезжий из-за границы, — что мне не хочется ни с кем встречаться. Чем нам итти мимо этого дома, давай лучше пойдем обратно.

Б. Л.

ГОРЬКАЯ ОБИДА

Рис. К. Ротова

— Увольнили... За пьянство, говорят... Что ж?! Такие, как я, на улице не валяются...

В ЭТУ ДИВНУЮ НОЧЬ

Рис. К. Елисева

— Боже мой! Как хороша ночь!.. В такую ночь всегда хочется чего-нибудь необыкновенного...

— Да... новых брюк, например...

„НЕСОЗНАТЕЛЬНЫЙ СТАРИК“

Вася Крутов познакомился со стариком в трамвае и, как добрый комсомолец, всю дорогу журил его. — Теперь, товарищ, Театральной площади нету. Была, да вся вышла — Свердловской называется.

— Все путаю, по старой привычке... По Никитской каждый ден кожу и то не могу запомнить, что она Герцена. Я около Кудринской площади живу, — объяснил старичок.

— Да не Кудринская, а площадь Восстания, — возмутился Вася.

— Что вы говорите? Тоже переименовали? — простодушно удивился старик.

Баумановскую он, по привычке, назвал Немецкой, за что и получил жестокий нагоняй.

— Эх, вы! Немецкая... Смотрите, под суд попадете... прямо саботаж... Немецкая! — фыркнул Вася презрительно, — Вы куда же идете-то?

— Тут мне на фанерный завод один. В клуб надо.

— Ну? — удивился Вася. — На фанерный завод имени Карла Либкнехта? Мне тоже туда. Я там и работаю, — пояснил он с гордостью. — Народу, небось, сегодня уйма припрет — докладчик знаменитый будет: старый большевик, сорок лет в партии. Не то Петров, не то Попов.

— Павлов, может быть? — со странной улыбкой спросил старик.

— Во-во! Павлов! Не слышали, верно, о таком? Тридцать лет на каторге сидел.

— Слышал, — скромно признался старик, — только вы ошибаетесь: он на каторге не тридцать лет сидел, а всего двенадцать.

— А я вам говорю — тридцать!

— Двенадцать, товарищ, — заупрямился вдруг старичок. — И в партии он не мог сорок лет быть, она всего тридцать лет, как существует.

— Ничего подобного, — рассердился Вася, — сам Свердловской площади не знает, а туда же спорить лезет. Вы откуда про него знаете?

— Я сам, товарищ, Павлов и есть, — ласково улыбнулся старик. — Буду у вас на заводе доклад читать.

Когда вечер был окончен, все долго благодарили Павлова и твердили, что такого доклада на заводе имени Либкнехта давно не было.

— А, вот, я хотел спросить, товарищи, что это за Либкнехт такой, что его именем завод назвали? — поинтересовался, уже уходя, Павлов.

— Кто? Либкнехт-то? Немец будто! — неуверенно ответил предместкома.

— Понятно, немец... Революционер, — удостоверил Вася.

— А чем же он такое уважение заслужил? Что сделал?

— Да уж понятно сделал, — замылся секретарь месткома. — Наш завод, товарищ, только три года так называется, — начал он вдруг оправдываться.

— Это бывший дроздовский завод. Дроздова, Иван Алексеича... За границей теперь живет.

— Верно, товарищ, дроздовский завод. Завод француз выстроил, Маршан, — загудели кругом.

— Правильно, Маршан. Он его потом Второву продал.

— Всего три года, как завод Либкнехта стал.

— А тот, сукин кот, его, завод-то, Дроздову в карты просадил.

— Не Либкнехт, товарищ, Второв завод проиграл. Дроздов теперь в Париже живет.

— Ну, а Либкнехт где теперь живет? — невесело усмехнулся Павлов.

— В Берлине, — не задумываясь ответил Вася.

— Женится, говорят, старый чорт... В третий раз... Страсть баб любит...

— Либкнехт? — ужаснулся Павлов.

— Нет... Иван Алексеич... Дроздов наш женился. А насчет Либкнехта мы вам, товарищ, простите, объяснить не можем. Вон Семенов стоит — он у нас Мопром заворачивает — все вам выложит.

— Эй, Семеныч! Кто такой Либкнехт был? Товарищ интересуется.

— Карл Либкнехт, — весело отозвался Семеныч, — немецкий коммунист.

— Я же говорил, — обрадовался Вася.

— Ты говорил, — передразнил недовольно Семенов, — надо толком сказать. А что ты про него знаешь? То-то... Ну, что за народ, — горестно обратился он к Павлову, — сколько разов им про Либкнехта объяснял. Не помнят. Как в пролубь свисти... Прямо несознательность...

— Вы, товарищ Павлов, не думайте, я насчет Либкнехта все знать буду — подчитаю. Про всех знаю, а про него, как нарочно — из головы вон.

— Ну, а кто Свердлов был, — знаете?

— Свердлов-то? Знаю! — радостно засмеялся Вася. — Он ученый.

— Ой, так ли? Не ошибаетесь?

— Нет, это уж верно, — ученый! Я, вот, летом фазавуч кончу, буду у него в университете учиться.

Ю. Потехин.

СЛУЧАЙ С СЕЛЕДКОЙ

— Закусывайте, Петр Иванович. Селедочка отменная...
— Увольте!.. Не то, что есть, смотреть на нее, проклятую, и то не могу.
— Если насчет желудка, то можете не беспокоиться: селедочка свежая...

— Да какой там желудок! Из-за этой вот самой селедочки, чтоб она пропала, я в такую историю влип, что до сих пор все конечности дрожат... Хотите, расскажу?

Вваливается это к нам на-днях в кооператив одна гражданочка и пряником на боченок с селедками курс держит. Гляжу, запустила она всю пятерню в боченок и копается...

— Гражданка,—говорю я ей вполне деликатно,—в селедках рыться нельзя!.. А она на меня как окрысится:

— Нахал вы этакий, а знаете ли, с кем вы разговариваете?! Да я! да мой муж!..

И так ногами затопала, что я сразу понял, что на ответственную жену напоролся... А я тут при чем: снаружи не видно, кто она такая, хоть бы значки они какие отличительные имели...

— Я вам,—кричит,—покажу, как меня вежливому обхождению с селедками учить! Замаринует вас мой муж, негодный вы элемент!!

Наутро является милиционер. Поташил меня к следователю на допрос.

Как вошел я к грозному мужу в кабинет, так у меня сразу душа в пятки ушла и даже немного дальше.

— Ваша фамилия, гражданин, и всякое такое прочее, отношение к совласти, чем занимались до Октября, а если нет, то почему?!.. Чем, кстати, занималась ваша бабушка в момент организации комсомола?! Я, конечно, молчу. А Машков вдруг как вскочит и на меня:

— А знаешь ли ты, несчастный, что я тебе любую статью припаять могу. Сегодня ты моей жене осмеливаешься замечания делать, а завтра ты заговор противосоветский устроишь!! Тут уж недалеко!!

— Да я, тов. следователь, ничего, я только...

— Никаких ничего и никаких только! Если тов. Сталин говорит, что можно критиковать даже самых ответственных работников, то насчет жен он никаких указаний не делал, а ты до того обнаглел...

— Тов. Машков, я ведь сказал только...

— Сегодня ты только сказал, а завтра, чего доброго, еще до того дойдешь, что перестанешь моей жене вне очереди продукты отпускать, знаю я вашу лавочку... Не потерплю! Упеку!.. Припаяю!..

Я чувствовал, по мере того как он кричал, как одна за другой статьи уголовного кодекса припаваются к моему телу...

С тех самых пор, как только сельди новые получим, сразу на квартиру к Машкову тащим для выбора. Мы бы и другие продукты на квартиру доставляли предварительно, да Машкова обиделась:

— Нечего,—говорит,—из моей квартиры продовольственную лавочку устраивать!..

— Неужто в наши дни самокритики такая история? Не верится, право...

— Не верите,—с'ездите к нам, в село Успенско-Малашинское, Армавирского округа. Как только на жену наследователя Машкова взглянете, сразу поверите!..

И. Амский.

ПО ГАЗЕТНЫМ УХАБАМ

„ЖИГУЛИ, ВЫ ЖИГУЛИ“

В статье «Поездка по Волге—лучший отдых», напечатанной в журнале «Прожектор» № 17, сообщается:

„От Сталинграда идут знаменитые Жигули“.

Жигули, как известно, идут совсем от другого места! «Жигули идут от Сталинграда», очевидно, потому, что автор, вместо того, чтоб ходить в школу 1-й ступени, шатается по редакциям.

ЛУКАВЫЙ ХЛЕБОРОБ

Кто не знает знаменитую загадку про селедку:

— Висит в гостиной, зеленая, пишит...

Северо-кавказская газета «Мир и Труд» работает в этом же стиле.

В № 2182 фотография изображает хлебороба, выехавшего в поле на весенний сев. Хлебороб выехал своевременно, но выехал, судя по фотографии, не с сеялкой, а со сноповязалкой.

Озорной хлебороб! Выехал на посев со сноповязалкой нарочно, чтобы подвести редакцию газеты! Знает, шельма, что редакция в сельском хозяйстве ни бе, ни ме, ни кукареку!

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ

Тайные агенты империализма обнаружены в редакции херсонской газеты «Надднепрянская Правда». Эти злоумышленники под видом сотрудников редакции захватили у Африки Триполи и передали его Сев.-Амер. Соед. Штатам. Явно империалистический поступок! Злые языки утверждают, что мы имеем здесь дело не столько с империализмом, сколько с безграмотностью. Местные газетчики уже давно не в ладах со старухой Географией...

ГОРДОСТЬ СТОЛИЦЫ

Рис. В. Гин

— А здесь, товарищи экскурсанты, у нас в Москве зимой бывает мостовая, которую на лето МКХ разбирает...

КАНИЧЕВ ГРОЗНЫЙ

Председатель Тутаевского горсовета, Ярославской губ., товарищ Каничев, пообедав из двух блюд в местном частном ресторане (для обыкновенных посетителей—50 коп., а для его председательства—25 коп.), медленным шагом отправился в горсовет.

Президиум горсовета в полном составе ждал своего председателя. Некоторые из членов волновались:

— Назначено собрание в час, а сейчас уже скоро три...

— Половина четвертого они придут! Они всегда очень аккуратно опаздывают—точно на два с половиной часика,—сказал один из небритых членов президиума.

И действительно, ровно в половине четвертого тов. Каничев занял свое председательское кресло. Без всякой волокиты и очень быстро были приняты соответствующие постановления по всей повестке дня, и члены президиума разошлись по домам.

Оставшись один, тов. Каничев дьявольски улыбнулся и красным карандашом все принятые постановления перечеркнул.

— Мы сейчас все постановления по-своему запишем, а убеждать этих дураков на заседании у меня ни терпения, ни нервов нехватит. А они все равно не помнят, что приняли,—сказал он, как бы оправдываясь, и на чистеньком листе стал записывать свои собственные постановления.

Служащие горсовета, встречаясь на улице, хорошенько оглядевшись по сторонам, тише шелеста листьев роптали:

— Да знаете... Да видите... Да ведь это чорт знает что такое—все протоколы наших собраний по-своему исправляет...

— Тиш... Ах, это мне показалось... Да что наши,—он и протоколы президиума то же самое...

— Тиш... Мне тоже показалось... Как обращается с нами? Безобразно.

— Чорт знает что такое!

— Невозможно!

— Невыносимо!

— Тсс...

— Тиш...

Однажды на заседании месткома служащих горсовета в присутствии губернского представителя кто-то осмелился и сказал о том, как председатель горсовета протоколы переправляет. И было на этом заседании принято постановление и было поручено представителю губернии передать это постановление в РКИ.

А на следующий день вызвал всех служащих горсовета к себе в кабинет тов. председатель и сказал, позевывая:

— Весна. Солнышко. Жаворонки...

— И уж сирень цветет,—пропищал кто-то из сотрудников...

— Правильно! И сирень цветет, и черемуха цветет, а у меня в груди план цветет,—прогремел председатель горсовета и, строго оглядев всех своих подчиненных, столпившихся в кучу, продолжал:— план рационализации! Вот я вас и призвал сюда, чтобы сообщить столь важную новость, зная, что каждый из вас, будучи на страже революции, поступит не как какой-нибудь подлый меньшевик или бузотер, а прямо мне скажет, кто донес, что я переделываю на пользу революции и вполне сознательно протоколы собраний, заседаний и пррр-р...

Сотрудники молчали.

— Молчите?—спросил у них председатель. — Хорошо, хорошо. Продолжайте молчать... Теперь можете идти... Теперь я знаю, что мне нужно делать...

И сотрудники, печальные, как после похорон, разошлись по своим местам.

А когда они уходили парами со службы, то, оглянувшись хорошенько по сторонам, они тихо стонали:

— Погибли мы! Пропали!

— Тиш... тиш...

А. Шутаевский.

Рис. Д. Мельникова

ГРОМИЛЫ: — Товарищи! За что же? Мы ведь в порядке самокритики работаем, — недостатки вскрываем...

В ОЧЕРЕДИ

— И младенец может пригодиться, голубушка ты моя! С младенчиком-то она и получит сейчас без долгой заботушки все, что ей надоть, а ты вот майся тут в череду, как проклятая, — с завистью говорит вслух мрачная домохозяйка, провожая долгим ненавистным взглядом женщину с большим комом пеленок на руках, отважно пролагавшую себе дорогу к кассе помимо очереди.

— Ишь, как помог ей голубок-младенец-то, — вон она уж и у кассы!

— А ты чего дремлешь? Взяла бы себе такого, как она, и дула бы без очереди. Давно бы уж отделилась, — замечает сзади курносый мужиченка, ехидно улыбаясь.

— Взяла бы? Может быть и взяла бы, ежели было бы кого взять.

— Значит, не сподобилась?

— Было у меня три младенчика! — грустно вспоминает домохозяйка, — и ни одного из них, горемышных, не осталось теперь. Лешкою звали первого. В позапрошлом годку это было. Муку выдавали в ту пору, обаволо нового года по-старому. Схватила я это Лешку с постельки и кинулась с ним за мукой. И сверко же было в ту пору, не приведи бог! А в магазине от стужи и сквозняка можно было прямо очуметь! Хватил мой Лешка этого самого сквозняка и зарделся к вечеру, как красный кумач, а через денек его уж и не было в живых.

— Значит, в книге живота такая и будет отметка против имени твоего Лешки: загублен, дескать, был сей младенец из-за муки, — вставляет курносый мужиченка. — Муку-то какую в ту пору выдавали: крупчатку или полукрупку? — добавляет он.

— На то и дитё, чтоб родителей вызволять — бросает рассказчица в сторону курносого балагура. — Потом опять бог послал мне крепкую подмогу: народилась у меня дочурка — Лизутка. Горя не знала я с нею ни в каких очередях. И крепка же была, сердешная, прямо бытто каменная! Почитай всю зиму избавляла меня от этих очередей. Уж под весну как-то пошла я с нею получить маслаца, вернулась после этого домой, смотрю — посинела моя Лизутка, дрожит и передохнуть не может. Похворала, голубушка, денек-другой и богу душу отдала.

— Ну, а третий-то твой младенец из-за чего пострадал? — при веселом оживлении окружающих настаивает курносый.

— Из-за того же! Поди-ка, постой кажинный день в очередях-то, не пожалеешь не токмо младенца, но и мать родную! Нынешней зимой помер мой Пронька. По второму месяцу от роду. Хилый был мальчонка, всего каких-нибудь разков пять я его и брала-то!

— Да, много и на этом фронте имеется жертв! — глубокомысленно замечает курносый.

Н. Мямлин.

Бей печать Обухом, припади да понюхай: дышит да морочит — еще хочет.

★
Мосздравствуй, да не засти.

★
Здоровому и Мосздравое здорово, а Мосздравому и здоровое нездорово.

★
У Мосздрава лечиться — наперед хромать поучиться.

★
Больной лечится, Мосздрав бесится.

ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ

Вопрос, Мосздраву на зависть, был разрешен без всякой волокиты. В лечебный пункт Райнефтесиндиката возле станции Соляная, Юго-Вост ж. д., вкатился человек с изуродованной рукой и с кривом о помощи:

— Спасите руку!.. Разлющило...

И тут же потерял сознание.

К больному подошли, посмотрели:

— Ишь ты?! Ловко хвачено... Небось, бочкой...

— Да уж, не рукой же... Прямо почти всю кисть напроць...

Кто-то из медперсонала молча собрал бинты, вату, дезинфицирующую жидкость и направился к пострадавшему, то был немедленно остановлен:

— Подождите, не спешите! Уверены ли вы, что это из наших служащих кто-нибудь?! А, может быть, чужак?!

— Надо бы водичей sprysнуть, а как очапается, — спросить...

Чего там! Пошарим по карманам, — не может человек без удостоверения явиться.

Поискали и ничего не нашли. Пострадавший невнятно стонал, из пораненной руки сочилась кровь.

— Ну и случай! Первый раз в моей практике, — лечи, а кого — неизвестно.

— Принюхайтесь: ежели синдикатский, керосином от него должно вонять, особливо ежели бочкой придавило.

— Как будто и есть запах, а как будто и нету. По запаху нельзя разобрать...

— Перевяжем, а там и разберем! — снисва предложил медперсонал.

— Нет, уж вы эти штучки бросьте! Как так «перевяжем»?.. А если он посторонний, — тогда что?!

Дело явно запутывалось и неизвестно, чем кончилось бы, если бы в этот момент с плачем не вбежала женщина:

— Где, где он?! Жив ли?..

— Гражданка, не нарушайте! Вам потерпевший известен?!

— Муж он мне, как же не известен!! Сердечный ты мой, что же это будет-то...

— Не нарушайте, говорят вам! Его служебное положение и отношение к Райнефтесиндикату?!

— Рабочий он, товарищи, фамилия ему — Булычев, а отношение какое же?! Хорошо относился, приятели у него были оттуда... Родимый ты мой...

— Не нарушайте, третий раз вам предлагаю! Он — рабочий Нефтесиндиката, или как?!

— Зачем синдиката?! На железной дороге рабочим служил, чтоб она поторела эта дорога. Она его и изувечила, — буферами ему руку прихватило, а как помощь подать, так у них медицинских пунктов нет. Спасибо вам, родные...

— Довольно, гражданка! Так я и знал. Хорошо я вас во-время остановил! — последовала укоризна по адресу медперсонала: — а то бы так и перевязали... Ну, гражданочка, забирайте вашего благоверного и сами выкатывайтесь, не нарушая...

Крики и вопли о помощи не дали результатов...

Случай с товарищем Булычевым остался бы невероятным и баснословным, если бы мы не располагали «соответствующей» бумажкой за «соответствующим» № 395/3.

Бумажка сия гласит:

«Оказание медпомощи пострадавшему не было обязательно, ибо таковой является служащим железной дороги и никакого отношения к Райнефтесиндикату не имеет.

Подписали: Зам. управляющего Сталинградским районом Нефтесиндиката Гаврилов. Зав. хозотделом Архипов.

Сталинец.

НА РЕПЕТИЦИИ

Рис. Ю. Ганфа

РЕЖИССЕР:—Смаку, смаку больше в разложение вносите. Репертком любит разложение, идеологически выдержанное.

СТРАШНАЯ УГРОЗА

Начальник административного отдела Уссурийской железной дороги, товарищ Стадник, в благодушном настроении сидел в уборной, попыхая папироской.

Клочок имевшейся у него газеты был им уже прочитан, как вдруг внимание начальнических глаз приковали надписи на стене:

«Хороша Маша, да не наша, а завова!»

«У нас принимают по кумовству!»

Тут товарищ Стадник даже привстал.

— Это еще что такое?!

«Ласковый теленок двух маток сосет!»

«Сокращение административных расходов в поведке правления стоит 1001-м».

— Ах, так-то! Ну, хорошо! Я вам покажу, писаки несчастные! Будете вы меня помнить!

С этими словами Стадник пробкой высочил из кабинета задумчивости».

— Нет, на что это похоже! Мало того, что они пишут в стенгазете, так еще... Но тут-то власть в моих руках, — говорил несколько минут спустя Стадник своему секретарю.

— Извольте взять ручку и записывать.

Секретарь послушно прильнул к кончику стола, готовый записать очередной приказ.

Всем начальникам отделов и частей правления).*

За последнее время на стенках уборных вновь начали появляться различные надписи и рисунки. Это возмутительно безобразно, ложасьщееся пятном на всех служащих управления, должно быть и может быть исключено, если вся масса служащих не будет щадить тех лиц с хулиганскими замашками, которые позволяют себе делать такие надписи и рисунки.

Прошу широко оповестить всех служащих, что для уничтожения в уборных существующих надписей и рисунков уборные будут выкрашены. Но если и после этого на стенках появятся надписи, — двери у уборных будут сняты, а если и это не поможет и надписи будут появляться, — будут разобраны и перегородки между уборными.

Нач-к Админ. Отд. СТАДНИК.

Приказ возымел свое действие. Сотрудники в панике. Чтобы не быть заподозренными в подрыве авторитета начальства, они подали коллективное заявление об отказе в пользовании уборными вообще:

— Лучше уж дома. Так спокойнее!

Сергей Позняков.

* Копия подлинного документа доставлена в редакцию.

ЗАГАДКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 18 ЛЕТ

1) Ни окошка, ни дверей, полна горница людей? (Собрание членов жилищарищества во дворе дома).

2) Семьдесят одежек и все без застежек? (Костюмы производства Ленинграддежды).

3) Рот до ушей, хоть завязки пришей? (Выступающий в прениях по всем вопросам).

4) Ничего не болит, а все стонет? (Симулянт в амбулатории).

5) Пришли мужички без топоров, срубили избу без углов? (Жилстроители).

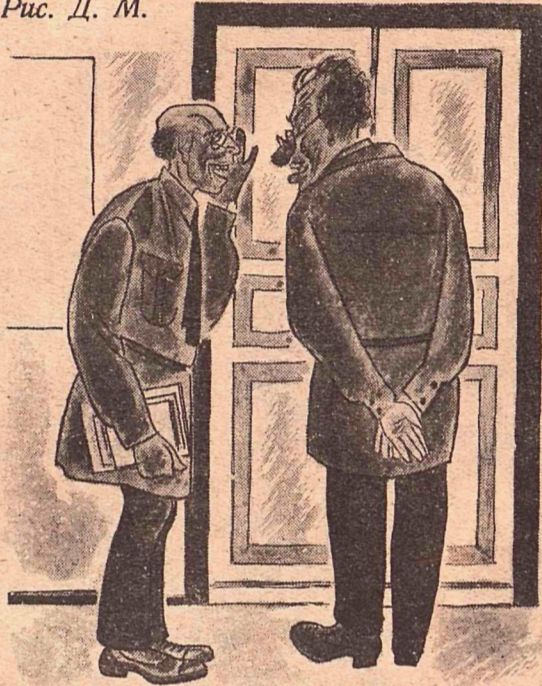
6) В избу лебедем, из избы вороном? (Член клуба после «семейного вечера»).

7) Кланяется, кланяется, придет домой рас- тынется? (Изобретатель с ценным изобретением).

Саша Скорпион.

НЕВОЗМОЖНОЕ

Рис. Д. М.

— У нас много бюрократов и голо- вотяпов, чего, впрочем, нельзя сказать о заведующем...

— Почему?! Очень хорош разве?!

— Нет, просто нельзя сказать: сей- час же уволит!

НОВАЯ ФОРМА

До кампании самокритики наш завхоз Николай кругом и по отчеству, если к нему приходил ругающийся рабочий, 2 месяца не получавший американского патрона, отвечал ему так:

— Товарищ, что вы зря кричите? Напишите лучше заявление.

Когда пришла самокритика, за такие действия здорово начали крыть ребята. На первом же собрании. С чувством, с толком, с расстановкой стали критиковать Николая кругом и по отчеству.

Особенно критиковал его товарищ Удалов — «трамвайный волк» по прозвищу за умение твердо стоять в любом вагоне трамвая, не покачиваясь даже от любого толчка любого неопытного вагоновожатого...

Удалову помогал сверхактивист, великий пред авиэхимский, секретарь автодорский, непрерывный работник физкультуры и прочее, и прочее, и прочее.

— Николай кругом — бесхозяйственник: он текущим водопроводом пол на втором этаже сгноил и ремонта не делает, он два ваза нужных моделей сжег за зиму...

Посмотрел Николай кругом и по отчеству бесстрашно на активистов и говорит:

— Что вы, товарищи, зря кричите? Сколько бы замечок в стенгазете успели написать за это время?! Пишите в стенгазету свои критики...

Написали ребята в стенгазету про бесхозяйственность завхоза. Через неделю пришел тов. Удалов к Николаю Николаевичу проверять, что сделано по этой заметке: что устранено, какие ненормальности искоренены. Смотрит, цемент по-старому на земле в треснутых бочках валяется.

Николай же Николаевич только спросил:

— Зачем, товарищ? За недостающими инструментами? Пишите заявление. А если начтет самокритики моей бесхозяйственности — пишите в стенгазету, там места много...

— Да мы же писали!

— Напишите еще для организации общественного мнения. Ну, ладно, до заседания! — мне работать нужно! Прощайте...

Так и живет завхозный человек. Про самокритику велит писать в стенгазетах, про предметы рабочей необходимости — в заявлениях.

П. Ч.

ГОСТЬ В ДОМ — ВСЕ ВВЕРХ ДНОМ

Приехал он прямо ко мне, — негде остановиться, — и сразу же начал жаловаться:

— Ну, брат, буду в Москве устраиваться! Слопали меня в провинции, заели в отделку. В такую склоку попал, — прямо не знаю, как целый вырвался... Надеюсь, что в Москве подобных историй не бывает, да и быть не может. Такая гнусность, такое мещанство только в провинции и возможно.

За чаем рассказал мне и всю историю склоки:

— Понимаешь, какая ерунда вышла... Должен был к нам приехать иностранный гость, член какой-то там делегации, что ли. И притом не рабочий, а из чуждых. Ну, надо встретить, раз гость, — показать все, рассказать. Сейчас же — комиссия. На комиссиях живо постановили по всем пунктам и споткнулись на последнем, на текущих, так сказать, делах: как, кто и где будет с гостем видеться?! Допустим, банкет или там завтрак: кого пригласить и кого не приглашать? Вот тут и пошло, тут и пошло! Каждому хочется, каждому лестно, а помещение не позволяет... Верить ли, — чуть до дуэли и просто мордобоя не дошло. Наконец, кое-как составили списки, увеличили число завтраков, обедов и банкетов с тем, чтобы всем удалось хоть по разику побывать. Ладно. Началось другое, — кому и как сидеть, кому поближе, кому подальше? Тут уж такое развернулось, что и рассказать нельзя. Крыши друг друга последними словами, выяснили массу подробностей семейного и служебного порядка. Елдыкин рассказал, что Четыркин взятки брал в 1924 году. а Четыркин признался, что не только сам сожительствовал с женой Елдыкина, но и сводил ее у себя на квартире с Прониным. Пронин в отместку разоблачил Капера, рассказав, как тот бабничает со своими служащими,

а Капер со зла рассказал всем, что у Прониной жены бок кривой и что она бандаж носит...

Наконец, рассадил. На мою беду и несчастье я оказался единственным во всем городе человеком, знающим несколько иностранных языков, — поэтому мне пришлось побывать на всех приемах, на всех завтраках, обедах и банкетах. Мало этого, по той же причине меня сажали рядом с гостем...

То-есть если бы я знал, чем это кончится, я бы язык себе отрезал, а не то что о знании иностранных языков заикаться.

Гость уехал во-своих, все как-будто кончилось. А на самом деле только тут и началось. Стал мне этот гость боком вылезать. Прежде всего меня сместили с должности на низшую, — был я членом правления, а посадили помощником заведующего, на том основании, что вы, мол, зато с гостем рядом сидели...

Потом — всем отгулка по месяцу, а мне — две недели:

— Вы за время бесед с гостем отдохнули, а другие на вас смотрели только. Теперь их очередь...

Наконец, отобрали половину квартиры, оставили две комнатенки на семью в восемь человек:

— Вам с гостем сидеть просторно было, а остальные теснились...

Не выдержал я и драпанул в Москву. Если свои же товарищи так поступают, — ну их к ляду. Лучше уж в Москве. Хоть и на чужбине, так сказать, — там-то я с начала революции работал, — но зато спокойнее, — надеюсь, подобных штук здесь не бывает?!

— Н-да! — сказал я нерешительно. — И у нас в Москве не лучше было, когда к нам король одной дружественной державы приезжал. Зато квартиру здесь не отнимут, где ее возьмешь, квартиру-то?!

И умело перевел разговор на московский жилищный кризис.

В. П.

НАУЧНОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Руководители экскурсий зачастую оказываются совершенно безграмотными людьми.

Рис. Д. Мельникова

РУКОВОДИТЕЛЬ: — Здесь, дорогие товарищи, вы видите хищника мирового империализма, перегрызшего глотку другой акуле. На мрачном фоне средневековья разворачивается перед вами яркая картина бешеной борьбы за новые рынки, за новые колонии, из которых и были выкачены жадным царизмом ценности в виде тех ковров, которые покрывают пол нарисованной комнаты...

ВИАРЫ В БОК

НА ГЛАЗАХ У ПУБЛИКИ

(Понинковская госбумфабрика)

Зав Гродзинский ударил за непослушание работницу.

— Неудобно, пане, на одиннадцатом-то году ударить по затылку, — говорит фабком Гродзинскому.

— Это, видите ли, называется работать в ударном порядке,—возразил Гродзинский.

— А, ну тогда другое дело!—согласился фабком.—Просим прощения, если обидели вас.

— Ничего, ничего! Я не гордый,—милостиво заметил Гродзинский и снова хлопбы-стнул по макушке подвернувшуюся работницу.

— В ударном, говорите?—спросил фабком.

— А как же?

— Хи-хи-с!..

АСТРАХАНСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Жизнь, товарищи, летит вперед сломя голову. Только-что открыли способ дальновидения, а астраханцы уже удивляют мир новым чудом. Они насобачились разглядывать грядущие события на сутки раньше!

Астраханская газета, пользуясь этим новейшим открытием, зашкваривает описание собраний за день до их осуществления.

Особенно поразителен рассказ о собрании на кожевенном заводе, напечатанный со всеми подробностями 14 марта, тогда как собрание происходило 15 марта.

Однако вновь открытый способ предвидения еще не усовершенствован. Редакция совсем не предвидела, что ее посадят на вилы.

ПОДХАЛИМЧИК

„Провожали — жалко стало, слезы лили до вокзала!“..

Как, действительно, слезы не лить! Конечно, не от тяжести разлуки с уезжающим заводом Сев.-Кавк. крайЗУ. Провожать приходится одновременно четыреста целковых, которые под нажимом усердного предметкома Кручина пришлось выпотрошить сотрудникам из своих тощих карманов на проводы начальства.

Деньги израсходовали на торжественный адрес и, конечно, главным образом на выпивку. А жаль, что кроме адреса начальству не преподнесли его ревностного слугу Кручина. Осиротевшему учреждению он ни к чему, а начальству такой человек в пути прямо необходим...

С ЛЕГКИМ ПАРОМ!

Часто администраторы наших заводов очень своеобразно заботятся о нуждах рабочих,—поставят бак с надписью «кипяченая вода», а вместо воды там окурки сохнут. Или построят баню, вот как на Надеждинском заводе, а когда приходят туда сортопрокатчики мыться, то либо вовсе воды нет, либо одна холодная...

Хорошо бы этой холодной водой окатить администрацию Надеждинского завода.

Авось образумится!

ТЯНУТ-ПОТЯНУТ

В каждую работу нужно втянуться.

Продавцы в кооперативе Петровского рудника (Донбасс) втянулись замечательно. Они каждый раз, когда отмеривают мануфактуру, так ловко натягивают ее, что экономят не меньше полвершка на метре.

Жаль только, что самих продавцов подтянуть некому!

БОЛЬШОЙ АППЕТИТ

Работники кооперации, как известно, отсутствием аппетита не страдают. Скорее наоборот!

Особенно большой аппетит проявляют кооператоры Сычевского ЦРК. Здесь на приготовление каждого обеда в кооперативной столовке расходуется 2 фунта мяса и 3 фунта хлеба.

Для одного человека как будто многовато!

Секрет производства однако удалось открыть. У зава столовой имеется 9 собак!

— Так вот где зарыта собака!—удивляются сычевцы.

— Не собака, а целая псарня, братишки!

СКРОМНОЕ ТРЕБОВАНИЕ

В отношении подбора работников ростовцы-ярославские побили все рекорды. Там на биржу труда поступают такие скромные требования:

ОТ РОСТОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ЧАЕУПРАВЛЕНИЯ: «Вышлите человека на должность счетовода, который может заменить должность старшего бухгалтера».

ОТ УПРОФБЮРО: «Пришлите машинистку, печатающую всеми десятью пальцами 160 слов в минуту».

ОТ ПРОКУРОРА: «Вышлите человека на должность курьера со средним образованием, не ниже девятилетки, умеющего печатать на машинке».

Если прокурору курьер требуется со средним образованием, то каково же образование у самого прокурора? Вообразить невозможно!

ПРЕД В ОКРУЖЕНИИ

Присланный в Чембар, Пензенской губернии, на должность предюка тов. Давыдов чувствует себя здесь как дома.

Еще бы! Он весь уезд заполнил своими родственниками.

Тут и родной брат, и шури Ренников и другая родня (Милюков, Елагин, Окунев и т. д.).

Управделами уика тов. Ахлестина, честного труженика из бедняков, новый пред заменил зятем местного черносотенного попа Масловским, который и живет даже у попа. Чтобы прибавить ему жалованья, Давыдов уволил беднячку Бадову.

Не полагает ли тов. Давыдов, что поп отмолит все его грешки?

СКОТСКОЕ ДЕЛО

Всякие бывают специалисты...

Гжатский мясоторговец Кутилов специализировался, например, не платить налоги и выскакивать из тюрьмы при помощи уполномоченного акционерного о-ва „Мясо“ тов. Байкова.

„Кутилов,—пишет сей уполномоченный начальнику исправдома,—крайне незаменимый специалист по рогатому скоту“.

И Кутилова выпускают.

Действительно специалист. Особенно по баранам.

ЕЩЕ О ПОЛОВОМ ВОПРОСЕ

Несколько неожиданно разрешает половой вопрос костромская Госстройконтора. Производила она ремонт местной типографии. В результате от полов начало дуть еще сильнее, чем до ремонта, так как полы разошлись.

Вот она где половая распушенность!

ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Еще в мае 1925 года работник милиции Сергачского уезда, Нижегородской губернии, Семенов произвел пять выстрелов из нагана, которые впоследствии были признаны незаконными. Пока это „признавалось“, виновник с работы ушел. Но не таков начальник гормилиции. Патроны стоят 33 копейки. Не пропадать же им! Немедленно отдано распоряжение—деньги взыскать. Семенов же кочевал из города в город. Но не успело пройти и 2 лет 9 месяцев и 15 дней, как „расточитель“ был найден и деньги с него взысканы. А вы говорите, что не умеют у нас беречь советские копейки!

ПЬЯНАЯ СТАНЦИЯ

В Марпосаде Чувашреспублики служащие и рабочие электростанции тратят на опохмелье не меньше времени, чем на работу.

Станция по этому случаю то-и-дело останавливается и не дает света. Зато за малейшую просрочку в платежах станция взгрывает абонентов почем зря.

Известную поговорку „Светит, да не греет“ марпосадцы переделали на новый лад: „Греет, да не светит“.

ХИТРАЯ МЕХАНИКА

— У нас очередь на квартиры движется быстро,—хватается Чебоксарский горсовет.

И, действительно, как только запишешься—сейчас же тебе предоставляют квартиру в бывшем женском монастыре за три версты от города. Жить в полуразвалившемся монастыре невозможно. Записавшиеся отказываются, и очередь движется быстро, тем не менее подвижников, на которых, очевидно, рассчитывает горсовет, не находится.

ПОСЛАЛ ЛИ ТЫ МАТЕРИАЛ ДЛЯ НАГРАЖДЕНИЯ ОРДЕНОМ „КРОКОДИЛА“?

ПИТАТЕЛЬНАЯ ПИЩА

Хорошо поставлено снабжение рабочих бесплатными завтраками в гор. Ивота.

Ходит группа рабочих стекольного завода в местную страхкасу к тов. Никандрову уже два месяца, а он каждый день им говорит:

— Приходите завтра!..

Потом оказалось, что бумаги рабочих лежали у Никандрова в столе все время без всякого движения.

А все потому, что Никандров тоже сидел на месте без движения.

Достаточно его двинуть с места, и все дело в ход пойдет!

ПО ГРАДАМ И ВЕСЯМ

ЧЕМ ПАХНЕТ

— Отчего это у вас в Пятигорске воздух такой тяжелый? Чем это пахнет?

— Наш горкомхоз утверждает, что здесь пахнет режимом экономии, но жители держатся несколько другого мнения.

Дело в том, что в целях экономии остроумный горкомхоз все отбросы и нечистоты, которые раньше вывозились далеко за город, сваливает в самом городе. Помимо невыносимой вони, нечистоты, стекающие без всяких фильтров в реку, ее заражают.

Местные жители воют, но горкомхоз предлагает им терпеть и в крайнем случае разрешает даже затыкать носы. При чем, в целях устранения волокиты, особых справок от комхоза о неимении препятствий к затычке носа не требуется...

УСТАРЕВШИЙ РОМАНС

(Область Коми)

„Ямщик, не гони лошадей“... Устарело. Отменить! Управляющий нашим солеваренным заводом решил осовременить этот романс:

„Ямщик, гони лошадей“—приказывает он ямщику. Раз начальство приказывает—ямщик гонит. Одну лошадь совсем загнали. Тарантас ломается каждую неделю.

А все русская горькая виновата. Злоупотребляет ею не только сам Горбунцов, но еще и ямщика спавшает.

Соли на солеваренном заводе хоть отбавляй, а никто не соберется почему-то Горбунцову соли на хвост насыпать...

В НОГУ С ЖИЗНЬЮ

Школа и жизнь связаны у нас неразрывно.

В Устьсысольской школе 2-й ступени воспитательное дело поставлено в соответствии с требованиями жизни.

Учеников за малейшую провинность заставляют стоять и во время урока и в канцелярии.

Этим способом школа надеется воспитать в подрастающем поколении стойкость, столь необходимую в наше время очередей и хвостов.

ДОСАДНАЯ ОШИБКА

Не ошибается только тот, кто ничего не делает!

А так как горячо любимый товарищ Сергиевский, начальник угрозыска в Сарапуле, работает день и ночь, то и ошибки случаются у него нередко.

Однажды, совместно со своим помощником Бояршиновым, тов. Сергиевский, в поисках неких девиц, ошибся адресом и, вместо притона Маруси, попал в квартиру-соседей, где и был встречен неласково. В результате жильцы дома № 64 по улице Азина лишаются нескольких раб, выбитых раздосадованными гостями.

С тт. Сергиевским и Бояршиновым бывали и не такие ошибки.

Сарапульцы утверждают, что на службу в угрозыск обе эти персоны попали совершенно ошибочно.

Весьма похоже!

СТАРАЯ РЕПКА

Внучка за бабу, бабу за деду, деду за репку... Роль дедки с успехом исполняет секретарь Андизжанского окрпрофбюро Биров, который в свою очередь уцепился за зампреда Уманского.

Достаточно хватиться за тов. Бирова, чтобы немедленно очутиться на службе в окрпрофбюро. Но... все горе заключается в том, что хватиться за тов. Бирова не всякому смертному дозволено.

Ни один из 20 бухгалтеров и счетоводов, состоящих на местной бирже труда, тов. Бирову не угодил, и он выписал на работу своего приятеля из Намангана.

— Вы как, через биржу?—спросили его сослуживцы.

— Конечно, конечно, через биржу... перемалнул.

ДОРОГОЙ ДРУГ

Дорогой приятель! Приходи немедленно. Устрою тебя статистиком у нас в учреждении.

Твой Коробейников.

Зав. лесным подотд. Курганского земуправления.

А почему „дорогой приятель“? Очень просто. Жил-был статистик, получал 46 руб. в месяц. Сократили! А теперь Коробейников принял на ту же работу приятеля и платит ему уже 100 целковых в месяц. Дорогой получился дружок, что и говорить!..

О Ш И Б К А

Недавно в симферопольской хоральной синагоге был такой случай.

Вышел кантор и запел:

— Без женщин жить нельзя на свете, нет!

— Кантор! Что вы поете? Это ж из „Сильвы“.

— Тыфу!—плюнул кантор.—В самом деле из „Сильвы“. Извиняюсь!

— Пожалуйста!

Никто не удивился. Все знали, что уважаемый кантор усердно работает в клубе совторгслужащих, где руководит хоровым кружком и оркестром, усердно налегая на опереточные мотивы.

Слушать синагогу с клубом совторгслужащих нетрудно! Кантор один! Мелодии только разные!

НУ И ДЕЛА!

Богородские рабочие удивляются, почему это у них в «Доме обороны» пристроился на службу трактирщик Паскеев, бывший запач, осужденный на 5 лет в изолятор, и, конечно, не-член союза, тогда как на бирже имеется до 1.000 человек безработных.

В том-то и штука, дорогие товарищи, что в «Доме обороны» неважно обстоит дело с обороной против классового врага. Такой дом следовало бы переименовать в «Дом вороны».

АРХИВ „КРОКОДИЛА“

ДОЛОЙ НЕГРАМОТНОСТЬ

Выписка из протокола № 9 заседания президиума Яхромского поселкового совета:

СЛУШАЛИ: О ликвидации неграмотности.

ПОСТАНОВИЛИ: а) В отношении малограмотной молодежи возложить—принять меры репрессий вплоть до отказа от работы при сокращении, в) обратить внимание на ликвидацию всех общественных организаций.

На заседании же присутствовали: завед. школой 2-й ступени тов. Лебедев, председатель волисполкома т. Мелких и председатель КПК фабкома тов. Попов.

Очевидно, завед. школой 2-й ступени еще сам не успел ликвидировать свою неграмотность. Вот, когда он станет профессором, тогда, возможно, он выкроит свободное время и научится грамоте.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МУЖЧИНА

Страна должна знать своих героев! Исходя из этого правильного положения, Н. Н. Переверзев напечатал в Казани нечто в роде визитной карточки, в которой между прочим перечисляет такие свои титулы.

Николай Николаевич ПЕРЕВЕРЗЕВ—N. N. Pereverzof.

(По сцене—Бертрам Августовский). (Scenic—Bertram Augustovski).

ЛИТЕРАТОР, беллетрист, драматург, публицист,

фельетонист, театр. рецензент. **АРТИСТ**. Главреж рабочих клубов (16-ти) и **ОСНОВАТЕЛЬ** первых в России постоянных объединенных театров „Юноши“ и „Детского № 1“.

Основатель **ПЕРВЫХ** же в столице ТР учреждений: Татарская Публичная Библиотека, „Мусульм. благотвор. о-во“, детпритот, богадельня. **БЕСПЛАТНЫЙ ЗАЩИТНИК** угнетенных. Главный адепт открытия в эпоху реакции татарского театра. Один из инициаторов открытия в провинции первого „Рабочего театра“, второго дачного театра (в с. Васильево), пав. т-ва „Киоск Детворы“. Автор ряда книг и очерков, составленных в ТЦИК и ТСНК. Деятель **ГОЛОДНОГО ФРОНТА** (б. уполн. ЦК Помгол ТЦИК). Единственный сотрудник и редактор первых судов. газет: „Волжское Эхо“ (закр. цензурой) и „Волжанин“, сотрудник „Этногр. журн.“ (Брюссель) и друг. иностр. изд. Главный сотрудник (4 псевдонима) первой революц. татарской газ. „Азад“ („Свобода“)

В человека вместились так много талантов, что не осталось самого маленького местечка для скромности!

200 ВЫИГРЫШЕЙ
БУДЕТ РАЗЫГРАНО в БОЛЬШОЙ
ЛОТЕРЕЕ „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ 2-ГО ИЗДАНИЯ
„РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“

2 ИЗДАНИЕ

„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“
„КРОКОДИЛ“
3 МЕС.—3 Р. 30 К., 6 МЕС.—6 Р. 60 К.,
12 МЕС.—13 Р. 20 К.

Подписавшиеся на 2-е издание с 1-го июня на 3 мес. получат 2 лотерейных билета. Подписавшиеся на 2-е издание с 1-го июня на 6 мес. получат 4 лотерейных билета. Подписавшиеся на 2-е издание с 1-го июня на 12 мес. получат 10 лот. билетов.

РОЗЫГРЫШ СОСТОИТСЯ В СЕНТЯБРЕ 1928 Г.

Рис. В. Козлинского

— Не дуй, ради бога!
— Одуванчиков жалко?!
— Нет, построек,—новые домики ведь!